

АЛЕНА ВАСИЛЬЕВА

ПАРОСОЧЕТАНИЕ

Иногда
счастье
начинается
с того,
что ты больше
так не хочешь.

ОДИНОЧЕСТВО
ТВОРЧЕСТВО
СВОБОДА
СООБЩЕСТВО
я

ОДИНОЧЕСТВО
НЕ НАКАЗАНИЕ.
ЭТО СВОБОДА.

18+

Алена Васильева

Паросочетание

<https://litres.ru/74398872>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где любовь вычисляется алгоритмом, а одиночество считается болезнью, у каждого есть браслет совместимости. Любовь прошла девяносто девять попыток найти пару — и все провалились. На сотой система выносит приговор: ноль процентов. Штамп «непригодна». Дверь в нормальную жизнь закрыта.

Но вместо отчаяния она чувствует облегчение. «Я больше так не хочу», — говорит Любовь и сбегает в Серую зону — заброшенный район, куда ссылают таких же отвергнутых. Туда, где нет экранов с рекламой пар, кураторов и алгоритмов. Где среди руин живут те, кого списали, но кто не сломался.

Теперь ей предстоит научиться жить заново: добывать воду, разводить огонь, писать стихи. И понять, что одиночество — не проклятие, а свобода. Свобода быть собой.

Но система не привыкла отпускать тех, кто отказался от её правил. И когда в Серую зону придут рекрутёры, Любви придётся защищать не просто дом, а право на собственную жизнь.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1. Приговор	8
Глава 1. Нулевой процент	8
Глава 2. Пустая стена	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алена Васильева

Паросочетание

Предисловие

Я долго не могла начать эту книгу. Не потому, что не знала, о чём писать, — наоборот, я знала слишком хорошо. Каждое слово, которое вы сейчас прочтёте, пропитано тем, что я пережила сама. И если вам когда-нибудь казалось, что вы одни в своей боли, что никто не поймёт, как это — раз за разом надеяться и раз за разом оставаться ни с чем, — знайте: я понимаю. Эта книга написана для вас.

Много лет я жила с ощущением, что со мной что-то не так. Что я недостаточно красивая, недостаточно умная, недостаточно лёгкая, недостаточно удобная. Я верила, что если буду стараться чуть больше, если буду подстраиваться чуть лучше, если смогу угадать, чего от меня ждут, — тогда меня наконец-то полюбят. И я старалась. О, как я старалась.

Я перекраивала себя под каждого, кто появлялся в моей жизни. Я училась молчать, когда хотелось кричать. Улыбаться, когда хотелось плакать. Прощать то, что прощать нельзя. Я думала, что любовь — это награда за терпение. Что если я выдержу достаточно боли, то в конце

обязательно получу своё счастье. Что предательство — это просто проверка, а не приговор.

Но счастье не приходило. Приходили новые люди — и снова уходили. Оставляли после себя пустоту, вопросы без ответов и горькое чувство, что я опять сделала что-то не так. Я раз за разом задавала себе один и тот же вопрос: почему они не остаются? И каждый раз отвечала одинаково: потому что ты недостаточно хороша.

Так было до тех пор, пока однажды я не поймала себя на мысли, что больше не хочу. Не хочу просыпаться с тревогой, проверяя телефон. Не хочу гадать, что означает его молчание. Не хочу чувствовать себя пустой, даже когда рядом кто-то есть. Не хочу жить в вечном ожидании чуда, которое всё не происходит.

Эта мысль сначала испугала меня. Как это — не хотеть любви? Ведь нам с детства внушают, что без неё жизнь неполноценна. Что одиночество — это наказание, болезнь, клеймо. Что каждая женщина обязана найти свою «вторую половинку», иначе она — неудачница. Я боялась, что, отказавшись от поисков, я признаю своё поражение. Что я сломаюсь окончательно.

Но произошло обратное. Впервые за долгое время я почувствовала облегчение. словно с моих плеч сняли невидимый груз, который я таскала годами. Я перестала быть заложницей чужих ожиданий — и начала становиться собой.

Эта книга родилась из той самой мысли: **«Я боль-**

ше так не хочу» . Но мне не хотелось писать обычную исповедь или психологический роман. Мне хотелось создать мир, в котором эта боль была бы видимой, осязаемой. Где одиночество — не просто чувство, а приговор, вынесенный обществом. Где система следит за тем, чтобы все были «в паре», и наказывает тех, кто осмелился жить иначе.

Так появилась моя героиня. У неё нет имени в начале — потому что она могла бы быть мной. Или вами. Или любой женщиной, которая устала. Она прошла через девяносто девять попыток найти любовь — и потерпела неудачу. Но в отличие от меня, ей не дали права просто взять паузу. Её объявили бракованной. Непригодной.

Я отправила её в Серую зону — мрачный, забытый район, куда ссылают таких, как она. И там, среди руин и тишины, моя героиня начинает жить заново. Не потому что она смирилась с одиночеством. А потому что наконец поняла: одиночество — это не пустота. Это пространство, которое можно заполнить собой.

Когда я писала эту книгу, я плакала. Иногда от боли — потому что многие сцены взяты из моей собственной жизни. Иногда от радости — потому что я видела, как моя героиня освобождается от оков, которые я сама носила слишком долго. Я надеюсь, что и вы, читая её историю, почувствуете это освобождение.

Я не обещаю вам, что в конце героиня обретёт любовь. Я не обещаю, что всё будет легко. Но я обещаю одно: если

вы когда-нибудь чувствовали себя разбитыми, преданными, ненужными — эта книга скажет вам то, что я сама когда-то отчаянно хотела услышать: **вы имеете право жить для себя. И это не поражение. Это начало.**

Мир, который я придумала, может показаться жестоким. Но на самом деле он не так уж далёк от нашего. Мы тоже живём в обществе, которое диктует, как правильно любить, когда выходить замуж, сколько детей рожать. Мы тоже боимся остаться одни — и поэтому соглашаемся на меньшее, чем заслуживаем. Мы тоже носим невидимые браслеты с надписью «должна найти пару».

Моя героиня снимает этот браслет. Я сняла его в своей жизни. И я хочу, чтобы вы знали: у вас тоже есть на это право.

Возможно, вы держите эту книгу в руках, потому что устали. Потому что очередная попытка провалилась, очередной человек предал, очередная ночь прошла в слезах. Я вижу вас. Я была вами. И я обещаю: дальше будет не так. Дальше будет лучше — если вы осмелитесь сказать те самые слова.

Я больше так не хочу.

А теперь переверните страницу. История начинается.

Часть 1. Приговор

Глава 1. Нулевой процент

Любовь проснулась за семнадцать минут до будильника.

Это случалось с ней каждое утро в течение последних одиннадцати лет — с тех пор, как она прошла первую «Синхронизацию» и получила свой персональный браслет. Организм сам, без всяких напоминаний, знал: сегодня важный день. День, когда решается судьба. День, когда всё может измениться.

Или не измениться.

Она лежала неподвижно, глядя в серый потолок своей капсулы. Именно капсулы — так называли эти крошечные жилые ячейки для «официально одиноких». Четыре метра в длину, два с половиной в ширину. Узкая кровать, встроенный шкаф, складной стол, закреплённый на стене, и санузел за матовой перегородкой. Никаких окон. Никакого пространства для лишних вещей. Никакого места для второго человека.

Впрочем, второго человека здесь и не должно было быть. Для этого существовали отдельные квартиры — большие, светлые, с общими спальнями и кухнями. Их выдавали тем, кто успешно прошёл «Паросочетание». Тем, кто нашёл свою

пару.

Любовь не была в их числе.

Она медленно села на кровати, спустила ноги на холодный пол и посмотрела на своё запястье. Браслет — тонкая полоска матового металла с крошечным экраном — тихо пульсировал бледно-голубым светом. Он был частью её тела уже так давно, что Любовь иногда забывала, как выглядела рука без него. Под металлом кожа была бледнее, чем везде, словно отмеченная невидимым клеймом.

На экране высветилось уведомление:

Попытка 99. Начало через 2 часа 14 минут.

Любовь сглотнула. Девяносто девять. Это число звучало как приговор. Девяносто восемь раз она приходила в Центр Синхронизации с надеждой. Девяносто восемь раз уходила с пустотой. Девяносто восемь раз ей говорили одно и то же: «Совместимость ниже порога. Попробуйте снова».

И она пробовала. Снова и снова. Меняла причёски, худела, поправлялась, училась поддерживать разговоры о политике и погоде, улыбалась, когда хотелось плакать, и молчала, когда хотелось кричать. Она изучала инструкции по поведению на свиданиях, смотрела обучающие видео, консультировалась с кураторами. Она делала всё правильно. Всё, что требовала система.

Но система каждый раз отвечала: нет.

Любовь встала и подошла к встроенному шкафу. Открыла дверцу, и оттуда на неё глянуло её собственное отражение в

маленьком зеркале. Светлые волосы, которые она вчера снова перекрасила в «одобренный» оттенок — тёплый каштан, потому что в последнем отчёте куратор написала: «Внешность не соответствует ожиданиям потенциальных партнёров. Рекомендован более мягкий образ». Глаза — серо-голубые, покрасневшие от недосыпа. Губы — сухие, потому что она третий день забывала пить воду.

«Ты устала», — сказала она своему отражению.

Отражение не ответило.

Она вытащила из шкафа подготовленный заранее наряд: платье-футляр приглушённого синего цвета, длиной ровно до колена, с умеренным вырезом. Ничего вызывающего. Ничего слишком скучного. Идеальный баланс, который, по мнению системы, должен был понравиться максимальному числу мужчин. Туфли на невысоком каблуке. Минимум украшений: крошечные серьги-гвоздики, которые подарила мать на совершеннолетие, и тонкая цепочка с кулоном, который Любовь купила сама — единственное украшение, выбранное не по протоколу.

Она оделась. Потом села на край кровати и какое-то время просто смотрела в стену.

За стеной, в соседней капсуле, кто-то включил воду. Любовь слышала, как шумит душ, как капли ударяются о пластиковую перегородку. Это была её соседка — женщина лет сорока, которая прошла уже сто тридцать семь попыток. Любовь иногда встречала её в общем коридоре, но они никогда

не разговаривали. О чём разговаривать? Обе знали, зачем они здесь. Обе знали, что их жизнь — это бесконечная черед надежд и разочарований.

Любовь вздохнула и посмотрела на браслет.

Попытка 99. Начало через 1 час 47 минут.

Пора было выходить.

Дорога до Центра Синхронизации занимала сорок минут. Любовь ехала в полупустом вагоне наземного поезда, глядя в окно на проплывающие мимо кварталы. Город жил своей жизнью. Спешили на работу люди с парными браслетами на запястьях — их экраны горели зелёным, цветом успеха и гармонии. Влюблённые пары шли по тротуарам, держась за руки. Над их головами, на огромных рекламных экранах, мелькали слоганы:

«Ты не один. Система найдёт твоего человека.» «Любовь — это алгоритм.» «Одиночество — это выбор. Сделай правильный выбор.»

Любовь отвернулась.

Она помнила, как в детстве верила в эти слова. Верила, что однажды наступит день, когда и её запястье загорится зелёным. Что она будет идти по улице, держа за руку человека, которого для неё выбрала судьба — вернее, алгоритм. Что она больше никогда не будет чувствовать эту гложащую пустоту внутри.

Теперь она знала: пустота не исчезает. Она просто меняет форму.

Поезд остановился у станции «Центральная Площадь». Любовь вышла, поднялась по эскалатору и оказалась на широкой улице, ведущей к Центру Синхронизации. Это было огромное здание из стекла и белого камня, возвышающееся над городом, как храм. Собственно, для большинства людей оно и было храмом — местом, где совершалось таинство соединения душ.

Любовь шла к нему медленно, словно на эшафот.

У входа её встретил охранник — мужчина с идеально выбритым лицом и браслетом, горевшим зелёным. Он мельком взглянул на её запястье, на бледно-голубой огонёк, и его губы едва заметно скривились.

— Документы, — сказал он.

Любовь протянула ему пластиковую карту. Охранник приложил её к сканеру, дождался зелёного сигнала и кивнул:

— Третий этаж, сектор «Н». Зал ожидания номер четырнадцать.

Она прошла внутрь.

В холле было светло и прохладно. Пахло чем-то цветочным — наверное, ароматизатором, который распылялся из незаметных устройств, встроенных в стены. Любовь шла по коридору, глядя под ноги. Ей не хотелось встречаться взглядами с другими посетителями. Она знала, что увидит в их глазах: у кого-то — страх, у кого-то — надежду, у кого-то — равнодушие. И у всех — один и тот же вопрос: «Получится ли у меня сегодня?»

Лифт поднял её на третий этаж. Здесь было тише. Сектор «Н» предназначался для тех, у кого было больше пятидесяти попыток. Для «сложных случаев». Для таких, как Любовь.

Она нашла зал ожидания номер четырнадцать и села в кресло у стены. Рядом сидела женщина лет тридцати, тербившая край своего рукава. Её браслет пульсировал так же бледно-голубым. Она подняла глаза на Любовь, и в них мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Вы тоже?.. — начала женщина и замолчала.

Любовь кивнула.

Женщина отвела взгляд и уставилась в пол.

Больше они не разговаривали.

Через двадцать минут в зал вошёл куратор — мужчина в строгом сером костюме с планшетом в руках. Его браслет горел зелёным, разумеется. Все кураторы были «успешно синхронизированы». Иначе они не имели права работать с «неудачниками».

— Любовь? — произнёс он, сверившись с экраном. — Пройдёмте.

Любовь встала. Ноги были ватными. Она пошла за куратором по длинному белому коридору, увешанному портретами идеальных пар. Мужчины и женщины, счастливо улыбающиеся в камеру. Их руки сплетены. Их браслеты горят зелёным.

«Посмотри на них», — шептал голос в её голове. — «Посмотри, какими они стали благодаря системе. А ты? Кто ты

без неё?»

Они остановились у двери с надписью: **«Кабинет интимной диагностики»**.

— Мне сюда? — спросила Любовь, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Да. Сначала подготовка, затем — комната ожидания, затем — сеанс. У вас будет пятнадцать минут на установление контакта. Этого достаточно.

«Достаточно для чего?» — хотелось спросить ей. — «Для того, чтобы полюбить? Для того, чтобы понять? Для того, чтобы решить, кто перед тобой — твой человек или просто ещё одно разочарование?»

Но она промолчала. Она давно научилась не задавать вопросов.

В кабинете её встретила женщина в белом халате — «специалист по физической готовности». Она измерила Любове давление, пульс, температуру. Потом попросила снять платье и надеть специальный комбинезон — тонкий, облегающий, с датчиками, которые будут считывать эмоциональные реакции во время сеанса.

— Это необходимо для точности анализа, — пояснила женщина, заметив сомнение в глазах Любви. — Система должна видеть не только ваши слова, но и то, как ваше тело реагирует на партнёра.

Любовь переоделась. Комбинезон был холодным и скользким. Датчики неприятно давили на кожу.

Затем её провели в комнату ожидания — крошечное помещение без окон, с одним стулом и экраном на стене. На экране транслировалась реклама: счастливая пара ест завтрак в светлой кухне. Он наливает ей кофе. Она смеётся. Подпись: «Гармония начинается с Синхронизации».

Любовь закрыла глаза.

Она вспомнила свою первую попытку. Ей было семнадцать, она только получила браслет и верила, что всё будет легко. Парень, которого выбрал алгоритм, оказался высоким, темноволосым, с ямочками на щеках. Они гуляли по парку и говорили о фильмах, о музыке, о том, как им обоим нравится дождь. Любовь тогда подумала: «Вот оно. Вот то, о чём все говорят».

Но через неделю он перестал отвечать на сообщения. А через месяц она увидела его с другой — девушкой с зелёным браслетом, идущей с ним под руку.

Совместимость 34%. Порог не пройден.

Потом была вторая попытка. Мужчина на восемь лет старше, разведённый, с ребёнком от первого брака. Он говорил, что ищет «тихую гавань». Любовь старалась быть тихой. Но через три свидания он сказал, что она «слишком серая» и что ему нужно «что-то поярче».

Совместимость 28%.

Третья попытка. Четвёртая. Пятая. Двадцатая. Сорок седьмая. Шестьдесят вторая. Восемьдесят третья.

Каждый раз — надежда. Каждый раз — боль. Каждый раз

— одно и то же сообщение на браслете: «Совместимость ниже порога. Попробуйте снова».

Любовь открыла глаза. Экран всё ещё показывал рекламу. Дверь открылась. Вошёл куратор.

— Время. Прошу в комнату сеанса.

Комната сеанса была такой же белой, как и всё остальное здание. Белые стены, белый пол, белый стол, два белых стула по разные стороны. На потолке — несколько камер, следящих за каждым движением. В углу — датчик, фиксирующий частоту дыхания, сердечный ритм, уровень потоотделения. На стене — большой экран, на котором в режиме реального времени отображалась «Шкала Совместимости».

Сейчас она показывала 0%.

Любовь села на стул. Сложила руки на коленях. Постаралась дышать ровно.

Дверь снова открылась.

В комнату вошёл мужчина.

Он был высоким, худощавым, с коротко подстриженными тёмными волосами и внимательными карими глазами. Одет в такой же белый комбинезон, как у Любви. Его браслет — бледно-голубой, как и её. Значит, он тоже «сложный случай». Тоже прошёл через десятки провалов.

Он сел напротив. Посмотрел на Любовь. Она посмотрела на него.

Молчание длилось секунду, две, три.

— Привет, — сказал он наконец. Голос был спокойным,

но Любовь заметила, как напряжены его плечи. Он нервничал не меньше её.

— Привет, — ответила она.

Экран на стене мигнул. Шкала Совместимости поползла вверх: 2%, 3%, 4%.

— Меня зовут Марк, — сказал он.

— Любовь.

— Красивое имя.

— Спасибо. Мама хотела назвать меня Надеждой, но отец настоял.

Он улыбнулся — вежливо, но без тепла. Любовь знала эту улыбку. Так улыбались все на этих сеансах. Потому что так было положено. Потому что камеры следили.

Шкала показала 7%.

— Расскажи о себе, — предложила Любовь, потому что так требовал протокол.

— Мне тридцать два. Работаю в логистической компании. Живу один. Хотя... — он усмехнулся, — наверное, это очевидно.

— Очевидно, — согласилась она.

Пауза.

— А ты? — спросил он.

— Мне двадцать восемь. Работаю в архиве. Перебираю старые документы.

— Звучит скучно.

— Так и есть.

Он не рассмеялся. Просто смотрел на неё, словно пытаюсь увидеть что-то, чего не было видно.

Шкала: 9%.

— Почему у тебя не получилось? — спросил он вдруг. Любовь вздрогнула. Этот вопрос не был частью протокола.

— Что?

— Почему у тебя не получилось найти пару? Ты красивая. Умная, судя по всему. Почему?

Она не знала, что ответить. Этот вопрос она задавала себе каждую ночь в течение одиннадцати лет.

— Не знаю, — честно сказала она. — Может, со мной что-то не так.

— Со мной тоже что-то не так, — сказал Марк. — Поэтому мы здесь.

Шкала: 11%.

Куратор, наблюдающий за ними через камеру, подал голос через динамик:

— Участники, постарайтесь придерживаться одобренных тем. Вопросы о прошлых неудачах не рекомендованы для первого контакта.

Марк поднял глаза к потолку и едва заметно покачал головой.

— Извини, — сказал он Любви. — Просто устал от этих игр.

— Я тоже, — ответила она.

Их взгляды встретились. В его глазах было что-то такое... родное. Не любовь. Не страсть. Просто тихое понимание. Они оба были здесь не потому, что хотели. Они были здесь, потому что так требовало общество.

Шкала: 14%.

— Может, расскажешь, что любишь делать в свободное время? — спросил Марк, возвращаясь к протоколу.

— Читаю. Гуляю. Иногда рисую.

— Что рисуешь?

— Деревья. Небо. Дома. Всё, что вижу.

— Покажешь как-нибудь?

Любовь почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Надежда? Нет. Скорее, воспоминание о том, как это — надеяться.

Шкала: 17%.

Время шло. Они говорили о погоде, о работе, о фильмах. Любовь отвечала на вопросы, задавала свои, улыбалась, когда было нужно. Но с каждой минутой она всё отчётливее понимала: это снова закончится ничем. Не потому, что Марк был плохим. Нет, он был... нормальным. Даже приятным. Но между ними не было того, что система называла «резонансом». Не было искры, которая должна была загореться.

Шкала замерла на отметке 19%.

— Спасибо за разговор, — сказал Марк, когда динамик объявил, что время истекло. — Может, нам дадут ещё одну попытку.

— Может, — сказала Любовь.

Но оба знали, что не дадут.

Куратор снова появился в дверях.

— Сеанс окончен. Прошу участников пройти в зону ожидания результатов.

Любовь встала. Ноги затекли. Она вышла из комнаты, чувствуя на себе взгляд Марка, но не обернулась.

Зона ожидания результатов представляла собой узкий коридор со стеклянными кабинками. Любовь села в одну из них. Экран на стене показывал заставку: «Обработка данных...»

Она закрыла глаза и начала считать про себя. Один, два, три, четыре...

Столько раз она сидела в таких кабинках, ожидая вердикта. Столько раз сердце колотилось о рёбра, а ладони потели. Столько раз она шептала про себя: «Пожалуйста, пусть в этот раз всё будет иначе».

Пять, шесть, семь, восемь...

Но всё всегда было одинаково.

Девять, десять, одиннадцать...

Экран мигнул.

Результат анализа:

Совместимость: 0%.

Любовь моргнула. Ноль. Не пятнадцать. Не двадцать. Ноль.

Ноль означал, что алгоритм не увидел между ними вооб-

ще ничего. Что их разговор не имел ни малейшего смысла. Что всё, что они говорили друг другу, было пустым звуком.

Дверь кабинки открылась. Вошёл куратор. Выражение его лица было непроницаемым.

— Любовь, — сказал он, — прошу вас следовать за мной.

Она встала. Пошла за ним, не спрашивая, куда они направляются. По коридору. Мимо портретов идеальных пар. Мимо дверей с табличками. В самый конец, туда, где находился кабинет с надписью: «**Отдел аннулирования**».

Внутри было темнее, чем в остальной части здания. Один стол, одно кресло, один компьютер. За столом сидел человек в тёмно-серой форме. Его браслет горел зелёным.

— Присаживайтесь, — сказал он, не поднимая глаз.

Любовь села.

— Ваш статус: «непригодна для паросочетания», — произнёс человек, глядя в монитор. — Девяносто девять попыток. Нулевая совместимость. Алгоритм не может предложить вам дальнейших кандидатов.

Он сделал паузу.

— Это значит, что ваша запись аннулирована. Вы освобождаетесь от обязательства участия в Синхронизации.

«Освобождаетесь». Какое красивое слово для обозначения приговора.

Человек поднял глаза.

— Дайте руку.

Любовь протянула ему запястье с браслетом. Он достал

из ящика стола инструмент, похожий на плоскую отвёртку, и вставил её в крошечный разъём на боку браслета.

Щёлкнуло.

Браслет раскрылся.

Человек снял его с руки Любви. Она почувствовала странную лёгкость, словно вместе с браслетом с неё сняли нечто большее — кожу, мышцы, кость.

— Теперь штамп, — сказал человек.

Он выдвинул из стола металлическую пластину с круглым отверстием. Любовь уже знала, что это такое. Она видела такие штампы у других «аннулированных» — бледный шрам на внутренней стороне запястья, похожий на ожог.

— Сожмите кулак.

Любовь сжала.

Человек приложил пластину к её запястью — туда, где только что был браслет. Раздалось короткое шипение. Кожу обожгло болью.

Любовь не закричала. Она уже давно разучилась кричать.

Когда пластину убрали, на запястье остался знак: круг с перечеркнутым внутри него сердцем. Символ тех, кто не пошёл никому. Символ тех, кому не место в этом мире пар.

— Всё, — сказал человек. — Вы свободны.

Свободна.

Любовь вышла из кабинета. Ноги сами несли её по коридору, к выходу. В холле всё так же пахло цветами. На экранах всё так же улыбались счастливые пары.

Она вышла на улицу.

Шёл дождь.

Любовь подставила лицо каплям. Холодные. Чистые. Настоящие.

Она стояла так долго, пока платье не промокло насквозь, пока волосы не облепили щёки, пока дрожь не стала невыносимой.

А потом она сделала то, чего не делала одиннадцать лет.

Она улыбнулась.

Не потому, что ей было хорошо. Нет. Потому что впервые за долгое время она почувствовала, что может больше не притворяться. Не ждать. Не надеяться.

Приговор был вынесен.

И странным образом он принёс ей облегчение.

Любовь подняла руку и посмотрела на штамп на запястье. Круг. Перечеркнутое сердце.

— Ну и пусть, — прошептала она дождю. — Я больше так не хочу.

И она пошла домой.

Глава 2. Пустая стена

Любовь не помнила, как добралась до дома.

Она шла под дождём, не разбирая дороги, мимо витрин, мимо людей с зелёными браслетами, мимо рекламных экранов, которые всё так же беззастенчиво улыбались ей в лицо. Вода стекала по волосам, по спине, по ногам. Платье прилипло к телу, как вторая кожа, тяжёлая и холодная. Туфли хлюпали при каждом шаге. Но Любовь ничего не чувствовала. Тело шло само — по заученному маршруту, который она проделывала сотни раз: от Центра Синхронизации до станции, от станции до своего квартала, от квартала до серого дома-капсульника на окраине.

Она вошла в подъезд. Поднялась на третий этаж. Остановилась у двери с номером 317.

Ключ дрожал в руке. Любовь долго не могла попасть в замочную скважину, пальцы не слушались. Наконец замок щёлкнул, дверь приоткрылась, и она шагнула внутрь.

В капсуле было темно и тихо. Только холодильник гудел где-то в углу, напоминая, что жизнь продолжается, даже когда тебе кажется, что она остановилась.

Любовь не стала включать свет. Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Мокрая ткань платья оставила на линолеуме тёмный след. Она сидела так, обхватив колени руками, и слушала, как капли стека-

ют с волос на пол. Кап. Кап. Кап.

Штамп на запястье пульсировал тупой болью. Любовь поднесла руку к лицу и в полумраке разглядела знак: круг с перечеркнутым внутри сердцем. Кожа вокруг покраснела, припухла. Клеймо было свежим, ещё не зажившим.

«Всё кончено», — подумала она.

Эта мысль не принесла ни облегчения, ни горя. Только странную, звенящую пустоту. Словно внутри неё что-то оборвалось, и теперь это что-то болталось в груди, задевая рёбра при каждом вдохе.

Она просидела на полу, наверное, час. А может, два. Время в этой капсуле текло иначе — густо, медленно, как остывающий мёд. За стеной соседка опять включила душ. Потом выключила. Потом что-то упало на пол и покатилося. Потом всё стихло.

Наконец Любовь заставила себя подняться. Тело было чужим, непослушным. Она стащила с себя мокрое платье, бросила его на пол в ванной. Стянула бельё, колготки. Встала под душ, но не включила воду — просто стояла, прижавшись лбом к холодному пластику, и дышала.

Потом всё-таки повернула кран.

Горячая вода обожгла кожу, но Любовь не отдернулась. Она стояла под струями, пока не почувствовала, как тепло проникает глубже — в мышцы, в кости, в то самое место, где раньше, кажется, жила надежда. Теперь там было пусто.

Выключив воду, она натянула старую футболку, которая

висела на крючке, и вышла в комнату. Телефон лежал на столе. Экран мигал, извещая о новых сообщениях.

Любовь смотрела на него, не решаясь подойти. Она знала, что там. Знала, кто написал. Знала, о чём спросят.

Она села на край кровати и взяла телефон.

Двадцать четыре непрочитанных сообщения. Семь пропущенных звонков. Три голосовых.

Первым высветилось сообщение от матери:

«Ну что? Как всё прошло?»

Следом:

«Ты почему молчишь?»

И ещё:

«Позвони срочно!»

Любовь перевела взгляд ниже. Сообщение от подруги детства, Риты, с которой они не виделись уже полгода, но которая всегда узнавала о попытках Любви первой — видимо, у неё был доступ к какому-то информационному каналу или просто хорошая интуиция:

«Слышала про девяносто девятую. Ну что?»

Любовь не ответила. Она пролистнула дальше.

Коллега с работы, Алла:

«Если не хочешь говорить, не говори. Но я рядом».

Любовь усмехнулась. Алла была единственной, кто писал без вопросительных знаков, без давления, без скрытых упрёков. Но даже от её заботы сейчас хотелось спрятаться.

Дальше — сообщение от брата:

«Мама места себе не находит. Позвони ей».

И от отца:

«Дочь, ну что там?»

Любовь отложила телефон. Он снова замигал. Всплыло уведомление с незнакомого номера:

«Ты уже дома?»

Она не стала выяснять, кто это. Просто выключила звук и положила телефон экраном вниз.

Тишина.

Она легла на кровать, уставившись в потолок. Серый. Без единого пятнышка. Без трещин. Без истории. Такой же пустой, как её жизнь.

Она не плакала. Слёзы пришли позже. А сейчас было только оцепенение — то состояние, когда чувствуешь себя не человеком, а вещью, которую оставили на полке и забыли.

Телефон всё равно вибрировал. Даже перевёрнутый, он напоминал о себе короткими вздрагиваниями. Любовь сдалась и снова взяла его в руки.

Открыла переписку с матерью.

Та успела отправить ещё несколько сообщений:

«Почему ты молчишь?» «Мне звонила тётя Клава, говорит, у её дочери сегодня пятьдесят восьмая попытка, и у неё уже 68 %!» «А у тебя что?» «Люба, ответь!»

Любовь долго смотрела на экран. Потом набрала одно слово:

«Ничего».

Мать прочитала мгновенно. И тут же начала печатать. Любовь видела, как три точки сменяются словами:

«Что значит ничего?»

«Как это?»

«Ты хочешь сказать, что опять?»

«Люба, но ведь девяносто девять раз! Как так можно?»

«Может, ты что-то не так делаешь?»

«Может, ты неправильно себя ведёшь?»

«Я же говорила тебе: будь мягче, улыбайся больше, не спорь!»

«А ты, наверное, опять что-то ему не то сказала!»

Любовь закрыла глаза. Она знала этот разговор наизусть. Он повторялся после каждой попытки, с незначительными вариациями. Мать не умела поддерживать. Она умела только требовать, обвинять и страдать.

В трубку поступил звонок.

Любовь не взяла.

Через минуту — второй.

Не взяла.

Третий.

Взяла.

— Люба? — голос матери звучал взволнованно и обиженно одновременно. — Ты почему не отвечаешь? Я тут с ума схожу!

— Привет, мам.

— Что случилось? Только не говори мне, что опять ничего!

Любовь молчала.

— Люба! — голос матери сорвался. — Почему ты молчишь? Тебе что, сложно ответить?

— Ноль, — сказала Любовь. — Совместимость ноль процентов.

В трубке повисла тишина. Потом — резкий вдох.

— Ноль? — переспросила мать. — Как это ноль? Зачем ты меня обманываешь? Ноль — это же... это же хуже, чем у всех!

— Значит, так.

— И что теперь? Что ты будешь делать?

— Не знаю.

— Как это не знаешь? — мать начала повышать голос. — А кто будет знать? Я? Мне что, за тебя теперь решать? Ты взрослый человек! Тебе двадцать восемь лет! Все твои подруги уже давно в паре, у них дети, а ты...

— Мам, — перебила Любовь. — Я устала.

— Устала? — мать не унималась. — А я не устала? Думаешь, мне легко? Мне каждый раз приходится краснеть перед соседями, перед роднёй! Меня спрашивают: «Ну как там твоя Люба?» А что мне отвечать? Что моя дочь не может найти себе пару уже одиннадцать лет?

Любовь молчала. Внутри что-то сжималось, скручивалось

в тугой узел.

— Я ведь всё для тебя делала, — продолжала мать уже тише, но с горькой обидой. — Воспитывала, растила, всё самое лучшее отдавала. А ты... ты даже этого не можешь. Что с тобой не так, Люба?

«Что с тобой не так, Люба?»

Этот вопрос она слышала с детства.

«Что с тобой не так? Почему ты не улыбаешься? Почему ты не общительная? Почему ты не как все?»

— Мам, я не могу сейчас говорить, — сказала она.

— Конечно, не можешь! — вспыхнула мать. — Ты никогда не можешь! А когда сможешь? Когда тебе исполнится сорок? Пятьдесят? Поздно будет, понимаешь? Поздно!

Любовь нажала «отбой».

Телефон замолчал. Но ненадолго. Через секунду начались сообщения:

«Ты меня не уважаешь».

«Я для тебя пустое место».

«Вот умру — тогда вспомнишь мать».

Любовь не стала читать дальше. Она бросила телефон на кровать и подошла к окну. Точнее, к месту, где должно было быть окно. В её капсуле окна не было. Только глухая стена, окрашенная в бледно-серый цвет.

Она смотрела на эту стену и думала о том, как давно не видела неба. Настоящего неба — не на экране, не в рекламе, не в чужих фотографиях. Живого, бескрайнего, которое ме-

няется каждый час.

В капсулах для одиночек окон не предусматривалось. Зачем они тем, кто всё равно никому не нужен? Пусть смотрят в серые стены и привыкают.

Любовь отвернулась.

Она подошла к шкафу и открыла его. Внутри, аккуратно развешанные, висели платья — «одобренные» фасоны, «рекомендованные» цвета, «безопасные» вырезы. Там же лежали туфли, которые она носила только на сеансы. И сумка, в которой всегда были расчёска, зеркальце и духи с лёгким цветочным ароматом.

Она смотрела на всё это, и внутри поднималось что-то тёмное. Не гнев. Не злость. Скорее, отвращение.

Каждая вещь здесь была выбрана не ею. Каждая вещь была инструментом для одной-единственной цели: понравиться. Соответствовать. Стать такой, какой её хотят видеть.

Любовь схватила первое платье — то самое синее, в котором она была сегодня, — и швырнула его на пол. Потом второе. Третье. Она вытаскивала вещи из шкафа и бросала их, не глядя, в одну кучу.

Туфли полетели следом. Сумка. Шарфы. Духи — маленький стеклянный флакон ударился о стену и разбился. По комнате поплыл сладкий, приторный запах.

Любовь не остановилась. Она вытащила ящик из-под кровати. Там лежали старые письма — те самые, бумажные, которые она писала своим «потенциальным партнёрам» после

первых свиданий. Которые так и не отправила. И фотографии — снимки, сделанные на сеансах, где она улыбалась так старательно, что болели щёки.

Она рвала письма. Рвала фотографии. Рвала на мелкие кусочки, пока не заболели пальцы.

Потом она сняла с полки маленькую шкатулку, в которой хранила «талисманы» — сувениры с неудачных свиданий: засохший цветок от второй попытки, билет в кино от четвёртой, камешек с набережной от двадцать третьей. Она высыпала их в мусорный пакет.

Всё. Всё это должно исчезнуть.

Любовь оглядела комнату. В ней стало ещё пустее, чем прежде. Но впервые эта пустота не давила. Она освобождала.

Она села на пол среди разбросанных вещей и вдохнула полной грудью. Запах духов всё ещё висел в воздухе, но уже слабее. Постепенно он уступал место другому — запаху дождя, который просочился сквозь её волосы и одежду.

Телефон снова замигал.

Любовь протянула руку и взяла его. Экран показывал сообщение от Риты:

«Ну что?»

И от брата:

«Мама плачет».

Любовь смотрела на эти слова. «Мама плачет». Брат писал это так, будто она сама не знала. Будто мать не плакала после каждой её неудачи. Будто эти слёзы были единствен-

ной валютой, которой мать расплачивалась за внимание.

Любовь набрала ответ брату:

«Передай маме, что я в порядке».

Потом подумала и добавила:

«Хотя нет. Ничего не передавай».

Она выключила телефон совсем.

Наступила тишина.

Настоящая. Глубокая. Та, которая не требует ответов, не задаёт вопросов, не обвиняет. Просто есть.

Любовь поднялась с пола. Подошла к пустой стене и встала напротив неё, как перед алтарём.

Стена молчала.

— Я больше так не хочу, — сказала Любовь.

Она произнесла это тихо, почти шёпотом. Но слова прозвучали так отчётливо, словно их услышала сама комната.

— Я больше так не хочу, — повторила она. — Не хочу ждать. Не хочу стараться. Не хочу надеяться. Не хочу плакать по ночам. Не хочу улыбаться, когда больно. Не хочу молчать, когда хочется кричать. Не хочу быть удобной. Не хочу быть правильной. Не хочу быть той, кем меня хотят видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.